

М. С. Мигранов

**ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БАШКИРСКОЙ АССР
В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.**

Аннотация. Статья посвящена идеологическим кампаниям, развернувшимся в СССР во второй половине 1940-х гг., и их влиянию на творческую интеллигенцию Башкирской АССР. Исследуются причины начала данных пропагандистских акций, проводятся параллели между общесоюзными и региональными тенденциями. В основу работы легли материалы Башкирского обкома ВКП(б). Результатами исследования стали выводы об особенностях проведения идеологических кампаний в БАССР: преобладании обвинений в национализме и ориентации творческой интеллигенции на написание произведений архаичной тематики. Результаты исследования могут быть использованы в курсах истории региона, а также истории культуры.

Ключевые слова: послевоенный период, история России, история Башкортостана, общественные настроения, идеологическая политика в СССР, творческая интеллигенция во второй половине 1940-х гг.

M. S. Migranov

**ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF BASHKIR ASSR
IN IDEOLOGICAL CAMPAIGNS
OF THE SECOND HALF OF 1940s**

Abstract. The article is devoted to the ideological campaigns that took place in the Soviet Union in the second half of the 1940s., and their influence on the artistic intelligentsia of Bashkir ASSR. The article investigates the reasons for the start of these propagandistic actions and parallels between the all-Union and regional trends. The work is based on materials of the Bashkir Regional Committee of the All-USSR Communist Party (of Bolsheviks). The results of the study are the findings about the features of the ideological campaigns in BASSR: prevalence of accusations of nationalism and orientation of the artistic intelligentsia to write works of archaic themes. The results can be used in the courses of history of the region, as well as cultural history.

Key words: postwar period, History of Russia, history of Bashkortostan, public mood, ideological politics in the Soviet Union, artistic intelligentsia in the second half of the 1940s.

Процессы, охватившие сознание советского общества в первые послевоенные годы, вызывали естественные опасения у руководителей государства. Хотя в официальных сводках сообщалось о всемерной поддержке населением страны правительственных мероприятий, внутривластные документы пестрели сведениями о проявлении «нездоровых» настроений. Уставшие от перипетий военного лихолетья советские граждане жаждали долгожданных перемен и послаблений. Историческая победа СССР в Великой Отечественной войне и тяжелое, буквально бедственное, материальное положение его населения, лишенного к тому же еще и духовной свободы, никоим образом не сочетались в сознании общества. Однако власти не проводили параллелей

между условиями жизни своих граждан и распространением нежелательных слухов и мнений. Истоки последних искались в иных сферах общественной жизни: партийные пропагандисты заявляли о «тлетворном влиянии Запада», о политической незрелости населения, о происках буржуазных идеологов. Не будучи напрямую направленными против системы, они, возможно, так бы и остались на страницах партийных отчетов «отдельными сигналами с мест», если бы не «холодная война». Обострение международной напряженности вызывало требование максимальной сплоченности советского общества перед лицом внешней угрозы. Таким образом, на повестку дня становилась задача усиления идеологической проработки сознания социума. Одним из важнейших направлений этой политики и явилась организация серии пропагандистских кампаний, направленных против «вольнодумства» и «инакомыслия» творческой интеллигенции СССР.

Проблема общественных настроений в стране в первые послевоенные годы и обусловленной ими идеологической политики партии долгое время оставалась неисследованной. В трудах советских историков общество предстало единым сплоченным механизмом, одинаково мыслящим и стремящимся исключительно к исполнению задач, поставленных перед ним партией. Во многом такому характеру работ способствовала официальная идеология, пропагандировавшая идеи советского патриотизма: партийные сводки сообщали о едином порыве населения при выполнении очередного пятилетнего плана, о социалистических обязательствах, взятых работниками отдельных предприятий и целых отраслей, о поддержке гражданами генерального курса партии. В то же время факты наличия «нездоровых», с точки зрения властей, настроений всячески замалчивались. Естественно, все это в совокупности с жестким партийным давлением никоим образом не способствовало появлению научных исследований в рассматриваемой области. Однако в этот период все же был накоплен определенный фактический материал, наглядно демонстрирующий атмосферу гонений тех лет. В работах историков отмечалось, что инициированные властью «творческие дискуссии» и идеологические кампании способствовали развитию разных областей науки и искусства, являя собой новые методы партийного руководства [1, 2]. В целом историография проблемы советского периода несла на себе отпечаток проводимой партией политики [3–7]. Характерно это было и для исследований на региональном уровне [8].

Ситуация изменилась с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. «Перестройка», а затем и распад СССР освободили науку от довлевшего над ней идеологического пресса, одновременно открыв исследователям доступ к огромным массивам архивных источников. Между тем историки не сразу встали на путь объективного изучения проблемы. Отказ от прежней методологии и большая вариативность в выборе новой привели к тому, что в работах ученых возобладал критический подход и крайне негативное отношение к советскому прошлому. Как результат – первые исследования носили ярко выраженный публицистический характер [9–11].

Одной из первых действительно исследовательских статей, посвященных рассматриваемой проблеме, стала работа Ю. С. Аксенова, обратившегося к исследованию такого явления в советской истории, как «ждановщина» [12]. В более узком ключе была написана статья В. Осоцкого, проанализировавшего мероприятия советского руководства в области литературы [13]. Впервые

о двойном назначении постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» – литературном и политическом – высказался В. Волков [14]. Серьезный фактический материал в этот период был собран исследователем А. Г. Борзенковым [15, 16]. В фокусе исследования историка Д. Л. Бабиченко оказались противоречивость взаимоотношений художественной интеллигенции с властью во второй половине 40-х гг. XX в., механизм появления постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», коллизии судеб А. Ахматовой и М. Зощенко в контексте этого правительственного документа [17]. С утверждением о том, что А. Ахматова и М. Зощенко стали не более чем случайными фигурантами в аппаратной игре в верхних эшелонах власти, выступил в своих работах Г. В. Костырченко [18].

В последние годы данная проблема все чаще становится объектом исследования на региональном уровне [19–22]. Вместе с тем следует признать, что серьезных работ, посвященных процессам, происходившим на территории Башкирской АССР, нет. Отдельные вопросы затрагиваются в той или иной степени в общих учебных пособиях, статьях и монографиях по истории и культуре края, но этого недостаточно [23].

Именно этими обстоятельствами во многом определяются актуальность и новизна нашей работы.

Выбор творческой интеллигенции в качестве мишени для идеологического удара был неслучайным. Развернувшееся в советском обществе в первые послевоенные годы так называемое «брожение умов» в значительной мере охватило и представителей художественной сферы, впервые открыто заговоривших о необходимости определенных перемен. Как вспоминал в 1979 г. известный писатель К. Симонов, а тогда, в 40-е гг., главный редактор журнала «Новый мир» и заместитель генерального секретаря Союза писателей СССР, «и в конце войны, и сразу после нее, и в сорок шестом году широким кругам интеллигенции, во всяком случае, художественной интеллигенции, которую я знал ближе, казалось, что должно произойти нечто,двигающее нас в сторону либерализации... послабления, большей простоты и легкости общения с интеллигенцией хотя бы тех стран, вместе с которыми мы воевали против общего противника» [24]. Такие настроения, естественно, вызывали опасения у советского руководства. Еще более усугублял положение тот факт, что творческая интеллигенция обладала серьезным духовным авторитетом в глазах народа. Все это в условиях разгоравшейся «холодной войны» становилось реальной угрозой для режима.

Стремясь не допустить дальнейшего распространения вольнодумства творческой интеллигенции и вместе с тем дать набатный звонок обществу, внятно объяснив ему, что никаких послаблений после войны не будет, руководство страны предприняло масштабную идеологическую кампанию под лозунгом «борьбы с низкопоклонством перед Западом». Начало ей было положено известными постановлениями ЦК ВКП(б) в сфере культуры [25–28]. В результате в одночасье под серьезной критикой оказались такие мастера, как М. Зощенко, А. Ахматова, О. Бергольц, Ю. Герман, А. Штейн, С. Эйзенштейн, Д. Шостакович, С. Прокофьев и др. Некоторые из них – уже по второму разу. Однако этими фамилиями дело не ограничилось. Постановления ЦК ВКП(б) в сфере культуры и идеологии стали сигналом к началу крупномасштабной травли творческой интеллигенции по всей стране.

В Башкирской АССР начало идеологической кампании было положено Решением бюро обкома ВКП(б) по работе Союза советских писателей Башкирии от 22 октября 1946 г. «Об ошибках в башкирской литературе и недостатках в работе ССП Башкирии» [29]. Данный документ стал отправной точкой в деле «пересмотра направления развития башкирской литературы». Среди «крупных недостатков» в творчестве местных писателей и поэтов авторы партийного решения отмечали такие, как «схематизм, натурализм, недостаточность профессионального, литературного мастерства» [29, л. 39]. Жесткая критика была высказана в адрес Р. Нигмати, С. Кудашева, Б. Бикбая, М. Бурангулова, М. Тажи и др. Так, в документе отмечалось: «Р. Нигмати в своей поэме «Большевик» допустил ряд больших политических ошибок. Наиболее крупные ошибки... в вопросах теории и истории большевистской партии. В ней развернута антинаучная концепция о коммунизме... Поэма М. Тажи «Дыхание земли», как в идейном, так и в художественном отношении, – пошлая вещь, грубо искажающая колхозную жизнь... Писатель Бурангулов продолжает повторять свои старые ошибки националистического характера...» [29, л. 41–42].

Решение бюро Башобкома партии в общих чертах определило дальнейший ход и область распространения идеологической кампании в БАССР. Был очерчен круг лиц, подлежащих критике (в основном это были популярные башкирские писатели и поэты), прозвучали «официальные» обвинения. Среди прочих, уже известных нам по постановлениям ЦК ВКП(б) 1946 г., документ содержал и новые обвинения, прежде всего в национализме. Последнее было неслучайным, поскольку создавало благодатную почву для организации погрома творческой интеллигенции в республиках, где абсолютно любое произведение, посвященное местному краю и его истории, и даже просто публикация народного эпоса могли быть расценены как проявление националистических устремлений. Нормальное отношение к произведениям многих деятелей культуры в предшествующие годы теперь оценивалось как потеря бдительности.

Вскоре после выхода в свет Решения бюро ОК ВКП(б) от 22 октября 1946 г. был подготовлен доклад о ходе его выполнения [30]. И вновь волна критики обрушилась на представителей башкирской литературы. Помимо прежних имен, были названы также И. Абдуллин, А. Валеев, Г. Гумеров, Н. Идельбаев, А. Чанышев и др. Прозвучали обвинения в «схематизме, малохудожественности, формализме, национализме». Особое внимание было уделено, естественно, критике крупных фигур башкирской литературы: «...Ведущие писатели Башкирии – С. Кудашев, Г. Гумеров, Р. Нигмати, Б. Бикбай за последние годы не создали сколько-нибудь значительных произведений на современные советские темы. Созданные ими... произведения страдают малозначительностью в идейном отношении... подлежат серьезной критике» [30, л. 31]. Крайне негативная оценка была дана деятельности печатного органа ССП Башкирии – журнала «Октябрь»: «...журнал «Октябрь» отстаёт от современной жизни, не отвечает тем требованиям, которые нашей партией сегодня предъявляются к литературно-художественным журналам. На страницах журнала даже после соответствующих решений ЦК ВКП(б)... продолжались печататься политически ошибочные, незрелые произведения. Ошибкой журнала является помещение безыдейной, пошлой поэмы М. Тажи

«Дыхание земли», поэмы Р. Нигмати «Большевик»... примитивных, рассчитанных на вкусы отсталых людей...» [30, л. 34].

Таким образом, маховик идеологической кампании стал активно раскручиваться. Уже в январе 1947 г. под мощным идеологическим ударом оказались местные театралы. В докладных записках, посвященных состоянию репертуара театров Башкирии, содержалась серьезная критика работы этих учреждений искусства [31, 32]. Среди главных ошибок театров республики назывались прежде всего отсутствие пьес на современные советские темы, а также доминирование исторической и этико-сказочной тематики, «попахивающей национализмом» [31, л. 65–66]. Под ударом оказались «слабые в идейном и художественном отношении» пьесы: «Дети одного отца» Б. Бикбая, «Бисякай» А. Мубарякова и «Езнякяй» Х. Ибрагимова. Их авторы обвинялись в «незнании нашей действительности, наших советских людей», в «поверхностной трактовке патриотизма». Постановка данных пьес называлась недопустимой ошибкой и ставилась в укор руководству Башкирского государственного академического театра [32, л. 89–90].

Вскоре с целью «исправления» сложившейся ситуации Башобком санкционировал собрание актива работников искусств г. Уфы. Главным докладчиком на нем выступил начальник Управления по делам искусств при Совете министров БАССР С. Р. Кадыров. В резолюции, принятой на данном собрании, отмечалось, что «в 1946 г. и в первом квартале 1947 г. работа большинства театров протекала неудовлетворительно». Вместе с тем «исторические постановления ЦК ВКП(б)... являющиеся боевой программой развития и подъема всей... идеологической работы на уровень задач, стоящих перед героическим советским народом в свете великих сталинских предначертаний, требовали коренной перестройки и решительного улучшения работы учреждений искусств Башкирской АССР, особенно в части создания новых советских спектаклей, отражающих великие деяния советских людей, совершенные под руководством товарища СТАЛИНА» [33]. Таким образом, авторы резолюции недвусмысленно и вполне конкретно указывали генеральную линию развития башкирской драматургии и литературы: апологетика советского режима, восхваление героизма советского народа и прежде всего гения вождя, организатора разгрома немецкого фашизма и японского милитаризма. Любое отступление от этой проблематики уже изначально становилось откровенно провальным мероприятием и грозило неприятными последствиями.

Идеологическая кампания, развязанная на общесоюзном уровне постановлениями ЦК ВКП(б) в сфере культуры, достигла своего апогея в БАССР в 1948 г. В рассматриваемый период продолжилось наступление местных партийных функционеров на творческую интеллигенцию края. И вновь под огнем критики оказались популярные башкирские писатели. В Справке «О состоянии работы первичной партийной организации ССП Башкирии (за период с ноября 1946 г. по 1 октября 1948 г.)» отмечалось, что «писатели недостаточно работают над повышением своего идейно-теоретического уровня... партийная организация вскрыла имеющиеся недостатки в творчестве башкирских писателей... Как, например, наличие формализма в творчестве наших поэтов-песенников, отсутствие боевых маршевых песен... резко указывалось на слабость литературной критики... слабую связь писателей с жизнью» [34, л. 3]. В Справке особо отмечались «ошибки писателей-коммунистов Даянова, Киекбаева, Нигматуллина» [34, л. 2–3].

Еще более резкой в своих формулировках стала адресованная Башкирскому обкому ВКП(б) Докладная записка председателя Правления ССП Башкирии С. Кудашева [35]. Обусловленная общей атмосферой травли творческой интеллигенции, а также обязанностью ее автора в соответствии с занимаемой должностью участвовать в критике литераторов и в то же время его стремлением сохранить свое кресло и положение, что вполне естественно, она обрушилась с обвинениями в национализме на популярных башкирских писателей: «...Вас информировали о политически вредных высказываниях Р. Нигмати, который находится в тесной связи с националистическими и разложившимися элементами: Б. Валидовым, Давлетшиным, Н. Идельбаевым, и о высказываниях М. Бурангулова, направленных на разжигание национальной вражды между башкирами, татарами и русскими... Политически вредные выступления отдельных коммунистов (слова З. Бишевой о том, что у нас нет элементов национализма, это только выдумка отдельных людей) не получают политической квалификации и отпора» [35, л. 9]. Следует отметить, что ничего нового в этих обвинениях, конечно же, не было. О формализме, малохудожественности, увлеченности историко-бытовыми темами, политической невыдержанности, наконец, национализме говорили и в 1946, и в 1947 гг. Новое проявилось в другом. Впервые отдельные представители творческой интеллигенции попытались оказать сопротивление давлению властей, указать им на надуманность обвинений. Так, в одном из своих выступлений на собрании ССП Башкирии 1948 г. З. Бишева справедливо заявила: «Порою неуместно приклеивают ярлык националиста. Нет ли среди нас людей, которые нарочно пытаются обвинить тех или других в национализме? Этим людям надо дать отпор» [36, л. 20]. Аналогичные высказывания звучали и из уст М. Бурангулова, Р. Нигмати, Б. Бикбая [36, л. 19–21]. Однако местные партийные активисты оставались глухи к этим «политически вредным», с их точки зрения, речам, а неугомонных ораторов ждала партийная и общественная экзекуция, выдержать которую было практически невозможно. В итоге литераторы, «покаявшись», «признавали свои ошибки», отказывались от ранее высказанного мнения. «...Признала нетактичность своего выступления... Это моя первая ошибка и будет последней ошибкой», – писала в своем заявлении в Башкирский обком ВКП(б) З. Бишева [36, л. 18]. И подобных примеров было немало.

В 1948 г. продолжилось наступление идеологической машины и на репертуар театров БАССР. Однако и здесь звучали в основном те же имена. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что в творчестве популярных башкирских писателей присутствовали не только прозаические, но и драматургические произведения. Это в свою очередь открывало дорогу новоявленным критикам для разгрома неугодных представителей творческой интеллигенции во всех сферах. В Справке «О ходе выполнения решения бюро обкома ВКП(б) по работе ССП Башкирии от 22 октября 1946 г.» сообщалось: «...Наиболее серьезные идейные ошибки башкирскими писателями были допущены в драматургических произведениях... наши театры, особенно и в первую очередь БГАТ, воспитанные в течение долгих лет на бытовых, этнографических пьесах, построенных на ходульных конфликтах, формалистической театральщине, не совсем охотно и умело берутся за постановки новых пьес... в репертуаре БГАТ летнего сезона господствовали такие пьесы, как «Езнэкэй» Х. Ибрагимова, «Бисэкэй» А. Мубарякова, «Тансулпан»

К. Даянова, которые в свое время подвергались серьезной критике, а в решениях бюро ОК ВКП(б) были осуждены как антихудожественные, поверхностные... пошлые... как неправильно, антиисторически изображающие прошлое башкирского народа» [37, л. 42–43]. Особое внимание в документе было уделено «последовательной и справедливой критике» творчества М. Бурангулова. «В пьесах М. Бурангулова допущены ошибки националистического характера, в них идеализировался родовой и феодальный строй, – сообщалось в Справке. – ...А в пьесах «Тулкынлы кендэр» и «Шәурәкәй» Бурангулов в полной мере повторил свои прежние ошибки... В пьесе «Тулкынлы кендэр» главными героями взял валидовцев, показал их сильными, волевыми людьми, объективно пропагандировал их контрреволюционные идеи, а большевиков показал безвольными, слабыми» [37, л. 44].

Традиционно резкой в своих формулировках стала написанная по партийному заказу критическая статья «О состоянии башкирской драматургии» (автор – кандидат филологических наук А. Харисов): «Пьесы страдают схематичностью, шаблоном в изображении образов и разрешении конфликтов... Критика в свое время указала на искаженное изображение советской действительности в пьесе Р. Нигмати «Твоя звезда»... Такими же порочными являются пьесы «Золотой родник» К. Даяна, «Настоящая любовь» и «Шаура» М. Бурангулова. Низкопробна и пьеса Г. Гумерова «Светлая река». Эти пьесы построены на ложном сюжете. Искаженно изображают они советскую жизнь, людей и их благородные чувства. Весь театральный механизм в этих пьесах держится на каком-то условном, нежизнеподобном винтике любовных отношений двух молодых людей» [38, л. 119, 122]. Следует отметить, ничего нового автор работы так и не сказал. Вполне возможно, что он ограничился использованием утверждавшегося центром «революционного» стиля и терминологии критики, простым повторением предыдущей критики потому, что вынужденно писал данную статью, не по своему желанию становился орудием партийной идеологической машины.

1948 г. ознаменовался также новым наступлением на печатный орган Союза советских писателей Башкирии журнал «Октябрь». Впервые критика в адрес его редколлегии прозвучала еще в 1946 г., когда в постановлении бюро Башобкома от 22 октября было указано на несоответствие журнала веяниям времени. Однако тогда на этом все и закончилось. Значительно усилившаяся в 1948 г. идеологическая кампания потребовала организации нового наступления на позиции «Октября». В результате на свет появилась довольно пространная докладная записка «О состоянии журнала «Октябрь» и литературной критики», адресованная секретарю ОК ВКП(б) по пропаганде Г. Ф. Шафикову [39]. И вновь в ней звучали одни и те же имена и названия, повторялись прежние обвинения: «Несомненной ошибкой является помещение в 10-м и 11-м номерах журнала за 1947 г. поэмы М. Тажи «Дыхание земли». Безыдейная, пошлая вещь. Здесь весьма примитивными средствами, дешевыми до обиды словами и оголенно натуралистически передается жизнь сегодняшнего колхоза... Ошибкой является опубликование в 3-м номере журнала... поэмы Р. Нигмати «Большевик». Критически принятая широкой общественностью поэма была восторженно встречена редколлегией журнала... Он [Р. Нигмати] крайне поверхностно, упрощенно говорит о процессе возникновения партии, не усматривает в этом процессе исторической закономерности. В поэме не видно, что партия является плотью от плоти рабоче-

го класса... его героическим авангардом в жестокой борьбе... Не делает чести журналу и напечатанная в нем поэма М. Каримова «В один из весенних дней». Это... психологический этюд, основанный на ненаучном понимании психики... автор тяжело грешит против партийного понимания морали и явно скатывается на идеалистические позиции. Поэма М. Каримова... прямо вредна нашей советской детворе... Не может быть сколь-либо удачной признана и поэма С. Кудашева «Человек широкой поступи»... колхозная молодежь представляется автору многоголовым нравственным уродом... всюду бездельничающая молодежь, всюду почивающие на лаврах демобилизованные воины-медалисты. Никто не умеет работать... и не хочет трудиться... И вот этот никчемный вымысел, все эти нарочито утрированные картинки «бытия» должны, по мысли автора, отображать борьбу советского народа за коммунизм» [39, л. 76–79, 81].

Завершилась идеологическая кампания 1948 г., как и в целом по СССР, ударом по лагерю композиторов. 10 февраля того же года вышло в свет постановление ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели «Великая дружба», послужившее сигналом к началу травли деятелей музыки на местах. И вновь в регионах повторялся сценарий разгрома творческой интеллигенции, заданный главными идеологами партии. На многочисленных собраниях население безоговорочно поддерживало «воспитательные мероприятия» ВКП(б) в отношении «зарвавшихся интеллигентов, потерявших связь с жизнью и своим народом». В газетных и журнальных статьях «справедливо» критиковались «формализм, схематизм и чуждость советской культуре» музыкальных произведений тех или иных авторов. На собраниях композиторов принимались самобичующие резолюции с признанием «ошибок». Не оставалась в стороне от этого процесса и Башкирия. В Справке «О ходе изучения постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. об опере «Великая дружба» В. Мурадели», представленной в обком ВКП(б), сообщалось: «...На собрании композиторов с участием руководящих работников Башкирского государственного оперного театра и Башгосфилармонии выступило 9 человек, отметивших мудрость и правильность постановления ЦК ВКП(б). И. о. председателя оргкомитета Союза советских композиторов Башкирии... т. Ахметов в своем выступлении указал на то, что в творчестве башкирских композиторов имеется тенденция формалистических выкрутас, которые мешают нормальному развитию музыки» [40, л. 106]. «...На собраниях коллективов русского драматического театра, Башгосфилармонии, театра кукол, – отмечалось далее в документе, – выступило 24 человека, которые в своих выступлениях приветствовали постановления ЦК ВКП(б). Ведущая артистка театра кукол Визарова Л. Р. в своем выступлении указала, что музыкальные произведения Хачатуряна, Мясковского, Прокофьева всегда вызывали у нее чувство недоумения: «...музыка, преподносимая этими композиторами просто чужда нам, так как она антинародная». На собрании коллектива писателей Башкирии поэт Сайфи Кудаш (снятый к этому времени с должности председателя Правления ССП БАССР – М. М.) заявил: «Постановление ЦК ВКП(б)... имеет прямое отношение к нашей башкирской советской литературе... Многие песни, написанные нашими композиторами и поэтами, народом не принимаются, они не близки душе народа...» [40, л. 108–109].

Названы были в документе и те, кто «препятствовал», по мнению властей, развитию национальной музыки. В частности, в Справке отмечалось:

«...Оперы композитора А. А. Эйхенвальда «Мэрген» и «Ашказар» имеют недостатки примитивного порядка и эклектичности подхода к фольклору... М. Ш. Валеев создал ряд хороших песен, но за последние годы отошел от этой широкой мелодичности и народности. В творчестве... наблюдается эклектичность. Примером этому служат скрипичная мореска, марш «30 лет». Эти сочинения космополитны и безличны... Противоположными недостатками страдает композитор З. Исмагилов. Не говоря уже о наличии примитивности в песнях Исмагилова, его многие песни – буквальное повторение народных песен... Такой метод сочинения... не служит делу развития национальной музыки» [40, л. 106–107].

Следует отметить, что удар местных партийных функционеров был явно прицельным. Наряду со статистами в Справке оказались и имена известных в республике и популярных в народе композиторов. Чего стоит только одно упоминание общепризнанного деятеля искусства З. Исмагилова.

После 1948 г. идеологическая кампания в БАССР, как и в целом по стране, постепенно пошла на спад. К этому времени она исчерпала свой потенциал и, насколько могла, выполнила поставленные перед ней властью задачи: советское общество осознало «ошибочность» своих ожиданий от наступления мирного времени, отложило надежды на счастливое будущее на отдаленную перспективу. Мощная пропаганда советского патриотизма и жесткая критика несоответствующих официальной идеологии представлений позволили еще раз сплотить граждан перед лицом внешней угрозы. Однако страну уже ждало новое испытание: не довольствуясь образом врага за пределами СССР, партийные пропагандисты приступили к поискам «пятой колонны», что в скором времени вылилось в новую идеологическую кампанию по «борьбе с космополитизмом».

Список литературы

1. **Кафтанов, С. В.** Советская интеллигенция и ее задачи в новой пятилетке / С. В. Кафтанов. – М. : Госполитиздат, 1947. – 63 с.
2. **Храпченко, М.** Творческие планы советских театров / М. Храпченко // Культура и жизнь. – 1946. – 7 ноября. – С. 13–22.
3. **Модржинская, Е. Д.** Космополитизм – империалистическая идеология порабощения наций / Е. Д. Модржинская. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 164 с.
4. **Ермаков, В. Т.** Руководящая роль КПСС в развитии советской культуры на современном этапе / В. Т. Ермаков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 398 с.
5. **Стефановский, П. Т.** Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за дальнейший рост культуры советского народа в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950) : дис. ... канд. ист. наук / Стефановский П. Т. – М., 1953. – 153 с.
6. **Бондарева, Е. А.** А. Жданов в борьбе за коммунистическую идейность советской литературы и искусства : дис. ... канд. ист. наук / Бондарева Е. А. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1953. – 240 с.
7. **Ерофеев, П. П.** Борьба Коммунистической партии за высокую идейность и художественное мастерство советской литературы в послевоенный период : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ерофеев П. П. – М. : Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра теории и истории литературы, 1953. – 16 с.
8. Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. В. П. Иванкова и др. – Уфа : АН СССР. Башкирский филиал. Институт истории, языка и литературы, 1966. – Т. 2. – 643 с.

9. **Карякин, Ю.** «Ждановская жидкость» или против очернительства / Ю. Карякин // Своевременные мысли, или пророки в своем отечестве. – Л. : Лениздат, 1989. – С. 146–168.
10. **Пыстина, Л. И.** Проблемы изучения научной интеллигенции в послевоенные годы (идеологические кампании 1940-х гг.) / Л. И. Пыстина // Интеллигенция в советском обществе : межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово : Изд-во Кемеровск. гос. ун-та, 1993. – С. 163–171.
11. **Чуфаров, В. Г.** О новых методологических подходах к изучению истории интеллигенции в советский период / В. Г. Чуфаров // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии : тез. докладов межгос. науч.-теорет. конф. (13–15 сентября 1993 г.). – Иваново : Изд-во Ивановск. гос. ун-та, 1993. – С. 19–21.
12. **Аксенов, Ю. С.** Послевоенный сталинизм: Удар по интеллигенции / Ю. С. Аксенов // Кентавр. – 1991. – Октябрь – декабрь. – С. 80–89.
13. **Осоцкий, В.** Как управляли литературой / В. Осоцкий // Вопросы литературы. – 1991. – Апрель. – С. 158–185.
14. **Волков, В.** За кулисами / В. Волков // Аврора. – 1991. – № 8. – С. 42–51.
15. **Борзенков, А. Г.** Интеллигенция и сталинизм в послевоенные годы (1946–1953) : метод. указания к курсу истории России / А. Г. Борзенков. – Новосибирск, 1993. – 75 с.
16. **Борзенков, А. Г.** Интеллигенция и сталинизм в послевоенные годы (1946–1964) / А. Г. Борзенков. – Новосибирск, 1993. – 321 с.
17. **Бабиченко, Д. Л.** Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК / Д. Л. Бабиченко. – М. : ИЦ Россия молодая, 1994. – 173 с.
18. **Костырченко, Г. В.** В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие / Г. В. Костырченко. – М. : Международные отношения, 1994. – 400 с.
19. **Гижов, В. А.** Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции: По материалам Саратовской и Куйбышевской областей : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гижов В. А. – Саратов, 2004. – 211 с.
20. **Дукарт, С. А.** Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945–1953): Вопросы теории и историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дукарт С. А. – Томск, 1997. – 23 с.
21. **Сизов, С. Г.** Взаимоотношения интеллигенции и власти в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Сизов С. Г. – Омск, 2002. – 45 с.
22. **Николаева, Н. И.** Идеологические кампании второй половины 40-х гг. в центре и на местах. По материалам Саратовской области / Н. И. Николаева // Клио. – 2002. – № 3. – С. 103–110.
23. **Ахмадиева, Н.** Культурная жизнь башкирского народа в 1945–1965 гг. / Н. Ахмадиева // Ватандаш. – 2006. – Апрель. – URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=244> (дата обращения: 21.07.2012).
24. **Симонов, К. В.** Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине / К. В. Симонов. – URL: <http://alkir.narod.ru/ssc/oral/16zhdanov.html> (дата обращения: 03.02.2009).
25. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> (дата обращения: 11.08.2012).
26. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm> (дата обращения: 11.08.2012).

27. Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. «О кинофильме «Большая жизнь». – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/cinema.htm> (дата обращения: 11.08.2012).
28. Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/music.htm> (дата обращения: 11.08.2012).
29. Решение бюро Обкома ВКП(б) по работе Союза советских писателей Башкирии от 22 октября 1946 года «Об ошибках в башкирской литературе и недостатках в работе ССП Башкирии» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 39–42.
30. Доклад «О ходе выполнения Решения бюро Обкома ВКП(б) по работе ССП Башкирии» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 28–38.
31. Докладная записка «Состояние репертуарных планов театров Башкирии» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 510. Л. 64–67.
32. Докладная записка «Состояние репертуара театров Башкирии» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 510. Л. 83–106.
33. Резолюция, принятая на собрании актива работников искусства г. Уфы // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 510. Л. 76–78.
34. Справка «О состоянии работы первичной партийной организации ССП Башкирии (за период с ноября 1946 г. по 1 октября 1948 г.)» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 1–5.
35. Докладная записка председателя Правления ССП Башкирии С. Кудашева // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 9–10.
36. Стенограмма выступлений на собрании ССП Башкирии (1948 г.) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 1–21.
37. Справка «О ходе выполнения решения бюро Обкома ВКП(б) по работе ССП Башкирии от 22 октября 1946 г.» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 39–60.
38. Харисов, А. О состоянии башкирской драматургии / А. Харисов // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 492. Л. 119–126.
39. Докладная записка «О состоянии журнала «Октябрь» и литературной критики» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Д. 492. Л. 72–81.
40. Справка «О ходе изучения постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. об опере «Великая дружба» В. Мурадели» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 482. Л. 106–110.

References

1. Kaftanov S. V. *Sovetskaya intelligentsiya i ee zadachi v novoy pyatiletke* [Soviet intelligentsia and its objectives in the new five-year plan]. Moscow: Gospolitizdat, 1947, 63 p.
2. Khrapchenko M. *Kul'tura i zhizn'* [Culture and life]. 1946, 7 nov., pp. 13–22.
3. Modrzhinskaya E. D. *Kosmopolitizm – imperialisticheskaya ideologiya poraboshcheniya natsiy* [Cosmopolitanism – imperialistic ideology of nation enslavement]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958, 164 p.
4. Ermakov V. T. *Rukovodyashchaya rol' KPSS v razvitii sovetskoy kul'tury na sovremennoy etape* [Leading role of the Communist Party of the Soviet Union in development of culture in the modern period]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1966, 398 p.
5. Stefanovskiy P. T. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v bor'be za dal'neyshiy rost kul'tury sovetskogo naroda v gody pervoy poslevoennoy pyatiletki (1946–1950): dis. ... kand. ist. nauk* [Communist party of the Soviet Union in the struggle for subsequent growth of culture in the period of the first postwar five-year plan (1946–1950): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1953, 153 p.
6. Bondareva E. A. *A. Zhdanov v bor'be za kommunisticheskuyu ideynost' sovetskoy literatury i iskusstva: dis. ... kand. ist. nauk* [A. Zhdanov in the struggle for communistic

- ideological commitment of the soviet literature and art: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Minsk: Izd-vo Belorus. gos. un-ta im. V. I. Lenina, 1953, 240 p.
7. Erofeev P. P. *Bor'ba Kommunisticheskoy partii za vysokuyu ideynost' i khudozhestvennoe mastersvo sovetsoy literatury v poslevoenny period: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Struggle of the Communist Party for the high ideological commitment and artistic skill of the soviet literature in the postwar period: author's abstract of the dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow: Akademiya obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS, Kafedra teorii i istorii literatury, 1953, 16 p.
 8. *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR* [Essay on the history of Bashkir ASSR]. Ed. V. P. Ivankova et al. Ufa: AN SSSR. Bashkirskiy filial. Institut istorii, yazyka i literatury, 1966, vol. 2. 643 p.
 9. Karyakin Yu. *Svoevremennyye mysli, ili proroki v svoem otechestve* [Modern thoughts, or the prophets in their fatherland]. Leningrad: Lenizdat, 1989, pp. 146–168.
 10. Pystina L. I. *Intelligentsiya v sovetskom obshchestve: mezhvuz sb. nauch. tr. []*. Kemerovo: Izd-vo Kemerovsk. gos. un-ta, 1993, pp. 163–171.
 11. Chufarov V. G. *Poisk novykh podkhodov v izuchenii intelligentsii: problemy teorii, metodologii, istochnikovedeniya i istoriografii: tez. dokladov mezvgos. nauch.-teoret. konf. (13–15 sentyabrya 1993 g.)* [Search of new approaches in the study of intelligentsia: problems of theory, methodology, source study and historiography: report abstracts of the interstate scientific and theoretical conference (14–15 September 1993)]. Ivanovo: Izd-vo Ivanovsk. gos. un-ta, 1993, pp. 19–21.
 12. Aksenov Yu. S. *Kentavr*. [Centaur]. 1991, oktober – december, pp. 80–89.
 13. Osotskiy V. *Voprosy literatury* [Literature problems]. 1991, april, pp. 158–185.
 14. Volkov V. *Avrora*. [Aurora]. 1991, no. 8, pp. 42–51.
 15. Borzenkov A. G. *Intelligentsiya i stalinizm v poslevoennyye gody (1946–1953): metod. ukazaniya k kursu istorii Rossii* [Intelligentsia and Stalinism in the postwar period (1946–1953): study guide for the course of Russian history]. Novosibirsk, 1993, 75 p.
 16. Borzenkov A. G. *Intelligentsiya i stalinizm v poslevoennyye gody (1946–1964)* [Intelligentsia and Stalinism in the postwar period (1946–1964)]. Novosibirsk, 1993, 321 p.
 17. Babichenko D. L. *Pisateli i tsenzory. Sovetskaya literatura 1940-kh godov pod politicheskim kontrolem TsK* [Writers and censors. Soviet literature of 1940s under political control of the Central Committee]. Moscow: ITs Rossiya molodaya, 1994, 173 p.
 18. Kostyrchenko G. V. *V plenu u krasnogo faraona. Politicheskie presledovaniya evreev v poslednee stalinskoe desyatiletie* [In captivity of the red pharaoh. Political persecution of jews in the last Stalinist decade]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994, 400 p.
 19. Gizhov V. A. *Ideologicheskie kampanii 1946–1953 gg. v rossiyskoy provintsii: Po materialam Saratovskoy i Kuybyshevskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ideological campaigns of 1946–1953 in Russian provinces: by materials of Saratov and Kuybishev regions: author's abstract of the dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Saratov, 2004, 211 p.
 20. Dukart S. A. *Intelligentsiya Sibiri v poslevoennyye gody (1945–1953): Voprosy teorii i istoriografii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Intelligentsia of Siberia in the postwar period (1945–1953): problems of theory and historiography: author's abstract of the dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Tomsk, 1997, 23 p.
 21. Sizov S. G. *Vzaimootnosheniya intelligentsii i vlasti v sovetskom obshchestve v 1946–1964 gg. (na materialakh Zapadnoy Sibiri): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Relations between intelligentsia and authority in soviet society in 1946–1964 (by materials of Western Siberia): author's abstract of the dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Omsk, 2002. 45 p.
 22. Nikolaeva N. I. *Klio* [Clio]. 2002, no. 3, pp. 103–110.

23. Akhmadieva N. *Vatandash* [Vatandash]. 2006, april. Available at: <http://vatandash.ru/index.php?article=244> (data obrashcheniya: 21.07.2012).
24. Simonov K. V. *Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I. V. Staline* [Through the eyes of a man of my generation. Reflection about I. V. Stalin]. Available at: <http://alkir.narod.ru/ssc/oral/16zhdanov.html> (data obrashcheniya: 03.02.2009).
25. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> (data obrashcheniya: 11.08.2012).
26. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm> (data obrashcheniya: 11.08.2012).
27. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/cinema.htm> (data obrashcheniya: 11.08.2012).
28. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/music.htm> (data obrashcheniya: 11.08.2012).
29. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 39–42.
30. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 28–38.
31. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 27. D. 510. L. 64–67.
32. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 27. D. 510. L. 83–106.
33. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 27. D. 510. L. 76–78.
34. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 1–5.
35. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 9–10.
36. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 1–21.
37. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 39–60.
38. Kharisov A. *TsGAOO RB* []. F. 122. Op. 28. D. 492. L. 119–126.
39. *TsGAOO RB*. F. 122. D. 492. L. 72–81.
40. *TsGAOO RB*. F. 122. Op. 28. D. 482. L. 106–110.

Мигранов Марат Сагарьярович
аспирант, Институт исторического
и правового образования, Башкирский
государственный педагогический
университет имени М. Акмуллы
(Республика Башкортостан, г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, 55)

E-mail: marat.s.migranov@mail.ru

Migranov Marat Sagaryarovich
Postgraduate student, Institute of historical
and law education, Bashkir State
Pedagogical University
named after M. Akmulla
(Republic of Bashkortostan, Ufa,
55 Oktyaborskoy revolutsii str.)

УДК 94(470.57):323.3-057.4"1945/1949"

Мигранов, М. С.

Творческая интеллигенция Башкирской АССР в идеологических кампаниях второй половины 1940-х гг. / М. С. Мигранов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 22–34.